

Михаил БОЯРСКИЙ: С ПУТИНЫМ И СОБЧАКОМ

Феликс МЕДВЕДЕВ

— А ну-ка-сь, Михаил Сергеевич, на каком пятачке петроградской водной акватории бросилась с моста жена поэта Федора Сологуба Чеботаревская?

— Не знаю, но где-то здесь, — не моргнув глазом отвечал допрашиваемый.

— По какому адресу судья Савельева осудила на пятилетнюю ссылку будущего великого Иосифа Бродского? Кстати, вы были знакомы?

— К сожалению, не имел чести, Бродский много старше меня. А вот с Александром Розенбаумом, скажем, весьма близок.

— Не жаль заново отстроенной гостиницы «Англетер», где ушел с этого света на тот Сергей Есенин? До встречи с вами я успел там побывать и разочарован: мемориального номера, где он повесился, уже не существует.

— Жаль, конечно, но что поделаешь, Петербург во многом сегодня видится иным. Правда, старый дух его интерьеров все-таки пытаются сохранить.

— По-вашему, и знаменитая решетка на Зимнем — та самая, подлинная, на которую взбирались, судя по Эйзенштейновскому фильму, полупьяные матросы, чтобы прежде всего завладеть винными подвалами царского дворца?

— Думаю, что Эйзенштейн снимал именно эту решетку. Слишком уж соблазнительно это было в первые послереволюционные годы. Кстати, я тоже снимался в батальных исторических сценах на фоне Зимнего дворца. Кто только не снимал эту площадь — американцы, англичане, Сергей Бондарчук, Евгений Матвеев... Чего только не происходило на моих глазах — гибель людей, падающие в Неву танки, пожары, расстрелы. Когда я служил в армии, то сам с барабаном ходил по Дворцовой площади. Кстати, ныне я живу рядом с ней, и, надо сказать, моя планида не так легка, как может показаться. Этот петербургский пятачок всегда загроможден людьми, туристами со всего света. Особенно это заметно сейчас, когда город потихоньку превращается во вторую (то есть снова в первую) столицу. С ума можно сойти, когда в ста метрах от моей квартиры выступает какая-нибудь эстрадная группа, особенно Шевчук или «Скорпион». Площадь живет своей жизнью, а я сижу как будто внутри декорации. Особенно «весело» бывает в пивные праздники, когда десятки тысяч людей утоляются пивом, и весь этот мемориальный район, мягко говоря, пропитывается мочой! Тут наша жутчайшая доля выдерживает мощнейшее испытание — дежуришь ночами, закрыв все дворы и проходы. А о необходимом количестве передвижных туалетов приходится только мечтать. Помните, как почти по этому поводу шутил профессор Преображенский?

— А как же вы оказались, простите за тавтологию, прописанным в этом самом почетном районе Северной столицы?

— Совершенно случайно. Как-то я снимался на Зимней Канавке, и мне понадобился туалет. Все происходило в пылу съемок, и мне проще было

зайти в любой дом, нежели куда-то мчаться. Вот я и зашел в первую попавшуюся квартиру на первом этаже. Она оказалась коммуналкой. Я познакомился с хозяевами, поблагодарил за помощь, и мы расстались. Спустя какое-то время я узнал, что жильцы этой квартиры хотят расселиться, а я к тому времени, наоборот, стремился улучшить свои жилищные условия, вот мы и договорились об обмене больших квадратных метров на мои меньшие. Помещение это было ужасным, запущенным, но я все привел в надлежащий вид. В порядке шутки могу похвастаться, что мне надо дать медаль за благоустройство Петербурга — куда бы я ни переезжал, всюду приводил свою новую обитель в добропорядочный вид.

— Скромничаєте, Михаил Сергеевич, живете-то едва ли не в самом знаменитом петербургском подъезде, который зовется собачковским...

— Анатолий Александрович переехал сюда, на четвертый этаж, уже после меня, когда стал мэром. Но дом действительно прозвали собачковским. С его вселением наш подъезд получил совершенно цивилизованный вид, появилась охрана.

— Вроде бы неудобно спрашивать вас о человеке, который был вашим добрым соседом и который ушел из жизни, но все-таки: как вы относились к и по сей день муссируемым слухам о каких-то там манипуляциях мэра Петербурга с квартирами? Мне из Москвы кажется, что Анатолий Александрович

был честным и чистым человеком.

— Во власти ничего чистого и честного быть не может. Но по тому образу жизни, который вел Собчак, я не верю, что он был нечист на руку. Что касается близкого с ним знакомства, то, знаете ли, чем ближе человек к власти, тем труднее быть с ним в личных отношениях. По крайней мере я всегда ощущал дистанцию. Помните: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь»?

— Но говорят, что вы близки и с Владимиром Путиным?

— Да, это тот человек, который при Анатолии Александровиче, будучи его замом, неоднократно бывал в этой квартире. Здесь бывали практически все, кто ныне находится рядом с президентом России. Но не стану утверждать, что в то время я был очень уж близок с Владимиром Владимировичем. Конечно, когда меня зовут на какое-то торжество или событие с его участием, я с удовольствием прихожу. Мне это лестно. Скажем, по приглашению Путина я летал с ним в Гудермес, и эта поездка надолго останется в моей памяти.

— Если кто-то из друзей обратится к вам с просьбой помочь в чем-то смертельно необходимом? Обратитесь к кремлевскому властелину?

— Такую ситуацию представляю с трудом. Конечно, всегда найдутся друзья, которым нужны квартиры, гаражи, протекции. Но это не ко мне, не по адресу. За себя я ни разу не просил ни у Путина, ни у Собчака. Скорее, на-

Говорят, что нестарейший плейбой-красавец Михаил Боярский, любимец всей женской половины бывшего Советского Союза и нынешней России, ко всем своим добродетелям еще и интеллигентный начитанный петербуржец. Дескать, хлебом его не корми, только поговори с ним о родном граде на Неве. Иные москвичи тоже не лыком шиты, и я (как один из «иных») решил прямо с гостеприимного порога «боярского» дома задать Михаилу Сергеевичу несколько каверзных вопросов.

оборот, регулярно попадал в драматически-комические коллизии. Поскольку я живу на первом этаже, иные просители почему-то всегда шли сразу ко мне и просили передать мэру Петербурга то «письмецо в конверте», то устную просьбу о личном приеме. Я выполнял поручения до тех пор, пока не почувствовал в интонациях Анатолия Александровича, что веду себя не совсем тактично. Но, повторяю, сам за себя ни разу ни о чем его не просил. И это освобождало меня от угодливости или какой-либо вины перед ним.

— Вы живете прямо напротив квартиры Александра Сергеевича Пушкина — той самой, на Мойке, где он скончался после ранения на дуэли. Что навеивает вам это соседство, какие эмоции? Все время, изо дня в день, видеть те самые ворота, ту самую дверь, в которую внесли великого человека... Мне кажется, это беспрельдно тягостно.

— Возможно, вы правы, но только я ничего не вижу, я всегда погружен в себя, интравертен, я не знаю, куда еду, где нахожусь, не смотрю по сторонам, не вижу людей, все время думаю о чем-то своем. Вы не думайте, я не красуюсь. Так уж, видно, устроена,

ВСТРЕЧАЛИСЬ В МОЕМ ДОМЕ

говоря актерским языком, лента моего внутреннего видения. Я не реагирую даже на погоду.

— Когда вы приезжаете в Москву... Ваше любимое место в столице: ресторан, театр, улица?

— Раньше это были мастерские художников, чердаки, где двери не закрывались. Мы пили вино, общались с женщинами, песни любимые пели. Потом люди стали богаче, и многое стало иным. Я очень любил ресторан Дома актера. Кругом сидели друзья, ресторан давал в долг. Отсутствие денег, как ни странно, делало свободным. Нынче же из-за денег общество расслоилось и разделилось, в том числе и наша интеллигентная актерская среда. Сейчас я чаще останавливаюсь в гостинице «Минск». Это удобно, все знают, что, если я в Москве, меня можно найти именно там. Особо сумасшедших мест в Москве я не знаю, да и вообще мало с ней знаком, пешком не хожу, меня возят на машине по «рабочим точкам». Проезжаю мимо шеренг проституток от «Аэропорта» до центра — и если бы я не знал Москву другой, то подумал бы, что она вся такая.

— Кстати, как вы относитесь к предложению легализовать проституцию?

— Чем больше цивилизации в Москве, тем она изысканнее и богаче. А когда появляются язвы, их надо лечить общими усилиями, открывать публичные дома, издавать законы, вводить для проституток профсоюз, обеспечивать медицинский контроль. Это тоже достоинства цивилизации — хорошо это или плохо, не знаю. Но эти женщины могут «подарить» клиенту плохую болезнь. Это пугает и меня, отчасти влияя на мои пристрастия и связи. Я и в самом деле не хочу всяких осложнений на этом фронте, испытываю настоящий страх.

— А в Петербурге есть свои «плясы Пигали»?

— Да, есть, и я знаю все экзотические места, можете не беспокоиться. (Загадочно смеется.)

— Недавно одна из центральных газет поведала о том, что вы, Михаил Сергеевич (тыфу-тыфу!), серьезно больны. Еще раз извините, но читатели меня не поймут, если я вас об этом не спрошу. Или это беспочвенные слухи?

— К сожалению, это правда. Некогда излишнее употребление алкоголя спровоцировало болезнь — панкреатит. Началось все лет семнадцать назад, когда я впервые ощутил острые боли в области поджелудочной железы. Несмотря на старания врачей, болезнь и впрямь не отступает. Правда, «профессиональным» больным я быть не собираюсь и борюсь как могу. Я не могу допустить, чтобы моя болезнь была сильнее меня.

— Вы книголюб и, наверное, к жизни и смерти относитесь, как говориться...

— Вот именно — философски. И давайте не будем на эту тему.

Петербург—Москва

КОМПАНИЯ FAZER ПОЗДРАВЛЯЕТ ПОБЕДИТЕЛЕЙ КОНКУРСА

Иванова Е., Чихачева Е., Солнцев А., Лопырева Е., Кульков Е., Крикунова Т., Мельников А., Шнейер В., Сигова О., Назарова С., Абасова С., Корешкова Н., Чихачева Н., Громадина Л., Андреева З., Иголкина Т., Артемова Н., Дементьева Л., Степанова Ю., Ивашников С., Гуленков С., Корыткина М., Лосицкая М., Меркулова А., Флерова С., Скипина В., Веркова М., Шевлякова Л., Хасанова Е., Шейко и других.

Подробности на сайте www.fazer.ru

